

ГОЛШТИНСКІЕ НАБОРЫ

Ч $\frac{26}{2382}$

ВЪ МАЛОРОССІИ.

Сл.

Д. Миллера.

ХХХ 6262

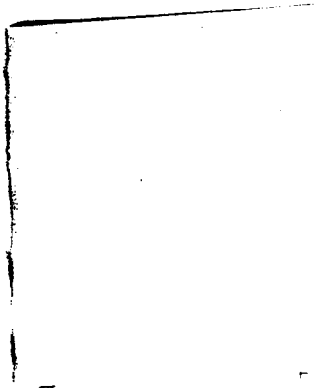
КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

Handwritten signature or initials, possibly "ММ" above a diagonal line and "6641" below it.

Дозволено цензурою. Київ, 3 септября 1892 г.

Handwritten scribbles or marks at the bottom left corner.

21 ²⁰
2382

ГОЛШТИНСКІЕ НАБОРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.¹⁾

Въ XIX-мъ столѣтіи орденъ св. Анны остался единственнымъ памятникомъ нашихъ старыхъ связей съ голштинскимъ герцогствомъ, нынѣ потонувшимъ въ морѣ германской имперіи. А между тѣмъ Голштинія и голштинцы играли далеко не послѣднюю роль въ судьбахъ нашего недавняго прошлаго. Бракъ дочери преобразователя Россіи съ голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ впервые привелъ въ соприкосновеніе интересы русской имперіи съ интересами этого небольшого нѣмецкаго княжества, а тридцать пять лѣтъ спустя этимъ послѣднимъ удалось, правда на короткое время, взять даже рѣшительный перевѣсъ надъ коренными и существенными интересами русской земли. Въ короткій промежутокъ правленія Петра Третьяго голштинцы безъ войны овладѣли дворомъ, арміей и высшимъ обществомъ столицы, въ полгода успѣли поработить русскія силы своимъ эгоистическимъ, узко-національнымъ интересамъ, поработить на столько, что уже въ половинѣ 1762 г. Европа съ часу на часъ ожидала диковиннаго зрѣлища—войны сѣвернаго гиганта съ тщедушной Даніей изъ-за

¹⁾ Харьковскій Историческій Архивъ. Дѣла Малороссійской Коллегіи №№ 230, 662, 681, 2920, 21890, 24081 и 26826.

Полное собр. законовъ т. XV. № 11416 и т. XVI №№ 11587 и 11610.

Карповъ. Опис. Высочайшихъ указовъ въ XVIII в. (изъ архива Сенат.) т III.

Истор. описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ 1842 г. III. (стр. 196—234).

Исторія Руссовъ стр. 251.

Григорьевъ „Исторія Екатерины II“.

Вяземскій „Петръ III-й“ (до вступленія на престолъ) изъ Р. Вѣсти.

крохотнаго лоскутка земли, оттянутаго ею у герцоговъ голштинскихъ еще въ то время, когда этимъ послѣднимъ и во снѣ не спилось ихъ будущее величіе. Вліяніе голштинцевъ отразилось въ это время на всѣхъ сторонахъ государственной жизни и отозвалось въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи. Вездѣ русскій человѣкъ, получившій послѣ реформы нарочитую способность подражанія и приспособленія, спѣшили приспособиться къ появившимъ въ „случай“ пришельцамъ. Гвардейскій офицеръ приспособлялся къ выправкѣ голштинскихъ сателлитовъ молодаго императора, государственный человѣкъ—къ ихъ политическимъ идеаламъ и симпатіямъ, высшее общество—къ ихъ капральскимъ манерамъ и своеобразному тону. „Braver soldat“ со всѣми его специфическими особенностями сталъ излюбленнымъ идеаломъ всѣхъ жаждущихъ карьеры и способныхъ къ приспособленію, а носителемъ и, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ этого идеала являлась для російскихъ карьеристовъ приближенная дружина государя—его голштинское войско.

Голштинское войско вмѣстѣ съ голштинской короной досталось Петру Федоровичу въ 1739 году по наслѣдству отъ его отца Карла Фридриха. Не смотря на воинственныя замашки покойнаго герцога, на его страсть къ экзерциціямъ, вахтъ-парадамъ и всякой солдатчинѣ, ему не удалось довести свою армию до размѣровъ сколько-нибудь внушительныхъ, и въ моментъ его смерти голштинское войско представляло собою силу во всѣхъ отношеніяхъ ничтожную. Но вмѣстѣ съ войскомъ Карль-Фридрихъ передалъ своему наслѣднику и свою горячую любовь къ этому войску, и стремленіе создать изъ него могучую и грозную для враговъ Шлезвига и Голштиніи силу стало завѣтнымъ желаніемъ юнаго герцога. Желаніе это не оставило Петра Федоровича и тогда, когда онъ превратился въ наслѣдника російскаго престола. Напротивъ, теперь желаніе это еще болѣе усилилось. Вдали отъ Голштиніи, голштинское войско, какъ и все голштинское, сдѣлалось еще милѣе сердцу великаго князя, а заботливость державной тетки, старательно удалявшей отъ него все, что могло поддерживать его пѣмедкія симпатіи, только разжигала это желаніе. Долгое время доступъ къ Ора-

ніенбаумскому двору былъ накрѣпко закрытъ для нѣмецкихъ подданныхъ великаго князя. Только въ 1755 г. запретъ этотъ если и не уничтожился, то все же смягчился значительно. Наслѣдникъ тотчасъ же воспользовался удобнымъ моментомъ, и лѣтомъ этого же года первый отрядъ голштинскихъ солдатъ былъ уже въ Ораніенбаумѣ.

Его прибытіе встрѣчено было съ необыкновеннымъ восторгомъ. Петръ Ѳеодоровичъ почти совсѣмъ покинулъ свой ораніенбаумскій дворецъ и съ утра до ночи проводилъ время въ лагерѣ голштинцевъ. Великій князь, бывшій шефомъ кирасирскаго полка и подполковникомъ Преображенскаго, теперь почти не снималъ съ себя голштинскаго мундира. Усвоеніе всего облика „честнаго и храбраго нѣмецкаго офицера“ стало предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній. Ораніенбаумскій дворецъ и его окрестности, пропитались запахомъ крѣпкаго кнастера; попойки, за которыя тяжело расплачивалась хилая патура Петра Ѳеодоровича, стали явленіемъ постояннымъ. Окружающіе великаго князя далеко не раздѣляли его увлеченія. Если въ высшемъ придворномъ обществѣ его поведеніе встрѣчало насмѣшливо-сниходительные отзывы, за то въ низшихъ слояхъ слышался нескрываемый ропотъ. Особенно недовольны оказывались солдаты Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ, поочередно державшихъ караулы въ ораніенбаумскомъ дворцѣ. По словамъ Екатерины II, голштинское войско въ представленіи нашихъ солдатъ являлось сборищемъ измѣнниковъ, проданныхъ прусскому королю. Придворная прислуга, принужденная вмѣстѣ съ гвардейцами Ингерманландскаго полка таскать на себѣ кушанья изъ дворцовой кухни въ ораніенбаумскій голштинскій лагерь (для пропитанія голштинцевъ особыхъ запасовъ въ началѣ сдѣлано не было), втихомолку обзывала голштинскихъ солдатъ грубою сволочью. Прибытіе голштинскаго войска еще болѣе повредило авторитету великаго князя, вообще не любимаго за его нѣмецкія симпатіи. Но Петръ Ѳеодоровичъ мало обращалъ вниманія на общественное мнѣніе. Съ теченіемъ времени его пристрастіе къ голштинскому войску ничуть не ослабѣло, и не смотря на скудость своихъ средствъ, онъ

дѣлалъ все, что былъ въ состояніи, для его усиленія и блеска. На мундиръ и аммуницію голштинцевъ тратятся крупныя суммы; для голштинскаго войска отовсюду, по возможности безъ лишняго шума и огласки, приглашаются солдаты и офицеры: проходимцы россійскаго и иностраннаго происхожденія смѣшиваются въ его рядахъ съ представителями даже аристократическихъ фамилій, каковы напр. братья Скоропадскіе изъ Малороссіи. Въ 1756 г. голштинское войско состояло уже изъ 3 мушкетерскихъ полковъ, одного артиллерійскаго и одного гренадерскаго баталіоновъ, 2 кавалерійскихъ полковъ и инвалиднаго корпуса. Но недостатокъ средствъ и перасположеніе къ голштинцамъ Государыни много вредило успѣху дѣла и становился на пути широкимъ планамъ великаго князя. Въ декабрѣ 1761 г. Петръ Федоровичъ становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ силъ и средствъ Русской имперіи, и широкіе планы не могли, конечно, встрѣтить теперь себѣ ни малѣйшаго препятствія. Съ первыхъ же дней новаго царствованія начинается цѣлый рядъ распоряженій о вербункахъ въ голштинскую службу въ Россійской имперіи и заграничней.

Распоряженія эти отразились и на жизни Малороссіи, возбудивъ въ сотняхъ юныхъ сердець честолюбіе и несбыточныя надежды, которымъ суждено было разлетѣться въ прахъ и сдѣлать молодыхъ мечтателей, по выраженію историка этого времени, „притчею во языцѣхъ“. Во главѣ правительства въ Малороссіи стояла въ то время войсковая генеральная канцелярія. Еще въ октябрѣ прошлаго года гетманъ отозванъ былъ въ Петербургъ. И по смерти своей благодѣлительницы ясновельможный продолжалъ оставаться на берегахъ Невы, предпочитая придворную атмосферу Петербурга, пропитанную запахомъ пива и кластера, чистому воздуху скучнаго Глухова. Высокопоставленный гетманъ обонхъ береговъ Днѣпра, генералъ-аппенфѣ, президентъ академіи наукъ и кавалеръ разныхъ орденовъ всѣмъ своимъ нынѣшнымъ титуламъ предпочелъ званіе подполковника лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, въ качествѣ такового, принималъ теперь весьма дѣятельное участіе въ безпрерывныхъ парадахъ и воинскихъ экзерциціяхъ. Члены ге-

неральной канцеляріи Кочубей и Журавка, генеральный писарь Безбородко да подскарбій Гудовичъ вершили межъ тѣмъ въ Глуховѣ дѣла Малороссіи, и только важнѣйшія изъ нихъ восходили на „высокую резолюцію“ гетмана, при которомъ для дѣла этихъ имѣлась особая походная канцелярія. На первыхъ порахъ переѣна правительства и наступленіе новыхъ порядковъ мало отражались на внутренней жизни Украйны. Произошли только кое-какіе переѣны въ личномъ составѣ малороссійскихъ чиновниковъ. На полковничьи мѣста въ 3 полкахъ были присланы изъ Петербурга новыя лица, съумѣвшія справиться себѣ расположеніе при новомъ дворѣ. Въ Стародубѣ именованымъ указомъ 3 января назначенъ голштинскій генераль-маіоръ оберъ-гофъ-камеръ-интендантъ Карповичъ съ чиномъ бригадира россійской службы. Полковничій урядъ въ Черниговѣ занялъ бывший гофъ-фурьеръ Петръ Милорадовичъ, а въ Гадячъ прибылъ вновь пожалованный бригадиръ Крижановскій. Эти лица были для Малороссіи первыми ласточками наступающей шлезвигъ-голштинской эры.

Первое распоряженіе о голштинскихъ вербункахъ, коснувшееся Малороссіи, послѣдовало не раньше конца января. 31-го числа гетманъ получилъ сенатскій указъ, предписывавшій произвести въ Эстляндіи, Лифляндіи и Малороссіи наборъ охочихъ людей для голштинскаго войска. Въ Малороссіи, впрочемъ, записываться въ рекруты могли только поляки и волохи, но не туземцы, „дабы службѣ малороссійской отъ того умаленія не послѣдовало“. Гетману предписывалось наблюдать за точнымъ исполненіемъ указа и оказывать вербовщикамъ зависящее содѣйствіе. Указъ этотъ сдѣлался извѣстенъ въ Глуховѣ 19-го февраля.

Но уже 1 февраля волоховъ и поляковъ показалось мало. Голштинская пѣхота и конница, по мнѣнію Государя, пуждалась въ гораздо большемъ количествѣ новобранцевъ, чѣмъ та скромная цифра, которая могла набраться въ силу январскаго указа. 1 февраля команду голштинскаго пѣхотнаго полка генераль-маіору Іоганну Хрстіану Ферстеру поручено было укомплектовать свой полкъ новобранцами изъ Украйны и бли-

жайшихъ къ ней мѣстѣ. Въ указѣ, писанномъ, разумѣется, по нѣмецки, уже ни слова не говорится о какихъ либо изъятіяхъ и исключеніяхъ. Въ голштинцы могъ поступать всякій желающій, и генераль Ферстеръ долженъ былъ только слѣдить за тѣмъ, чтобы его подначальные, которымъ будетъ поручено вербованіе, не причиняли жителямъ Малороссіи насилій и обидъ.

Въ тотъ же день состоялся и указъ объ укомплектованіи голштинской кавалеріи. Новопожалованный гадячскій полковникъ, какъ бывшій голштинецъ, прекрасно зналъ слабую струну Императора и въ знакъ благодарности за богатый гадячскій урядъ, доставившій ему и обширныя мастности, и громадную власть, предложилъ свои услуги по части набора рекрутъ для голштинской кавалеріи. Недавній выкрестъ изъ іудеевъ, Крижановскій не успѣлъ еще потерять присущей этому племени коммерческой сметки: быстро сообразивъ, что вербованіе—гешефтъ очень выгодный, онъ предложилъ Государю выставить на своемъ иждивеніи цѣлый полкъ гусаръ, такъ наз. Цабольтишскій, для легкой голштинской кавалеріи. Предложеніе, конечно, было приято съ радостью, и Крижановскій получилъ патентъ на вербованіе.

4 февраля Крижановскій уже предъявилъ свой патентъ гетману, патентъ же, выданный Ферстеру, въ походной канцеляріи его ясновельможности почему то былъ явленъ только въ мартѣ, тотчасъ же переведенъ на русскій языкъ, и вѣсть о прибытіи вербовщиковъ скоро облетѣла всѣ десять полковъ. Малороссія стала ожидать гостей.

Въ апрѣлѣ явились и гости. 17 числа въ генеральную войсковую канцелярію господами офицерами голштинскаго Ферстера полка былъ предъявленъ выданный имъ патентъ, и вербованіе началось.

Число господъ офицеровъ голштинской службы, прибывшихъ въ Малороссію для вербованія, было не велико: документы генеральной канцеляріи сохранили намъ имена прапорщика Берлира (француза), поручика Гофмана и майора Стефани. Съ нимъ прибылъ сержантъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Берлиръ съ подначальными своими остался въ Глу-

ховѣ, Стефани уѣхаль въ Кіевъ, что же касается Гофмана, то ни свѣдѣній о мѣстѣ его пребыванія, ни какихъ либо указаній на его дѣятельность не сохранилось. Наборы охочихъ людей въ военную службу были въ Малороссіи явленіемъ обыкновеннымъ: и гусарскіе полки, и компанейскіе контингенты комплектовались здѣсь путемъ набора охотниковъ, въ которыхъ никогда не бывало недостатка. Но теперешній вербунокъ представлялъ собою нѣчто чрезвычайное, и по охотѣ, съ какою украинцы слѣшили записаться въ число повобранцевъ, голштинскіе наборы могутъ быть сравнены развѣ только съ позднѣйшей пикинеріей. Но пикинерская горячка охватила низшіе слои населенія, людей необеспеченныхъ, „гультаевъ“, голштинскій же вербунокъ привлекъ къ себѣ преимущественно высшіе классы украинскаго общества. Причина этого необыкновеннаго успѣха кроется въ предшествовавшей исторіи страны. Давно уже привыкли гетманцы взирать на Петербургъ со страхомъ и уваженіемъ. Еще со времени Петра приучились они къ мысли, что только оттуда всякая власть получаетъ твердую силу и крѣпость, что только тѣ люди, кои получили свою инвентуру на берегахъ Невы, могли безболзненно и безнаказанно хозяйничать въ странѣ и держать свое имя „честно и грозно“. Еще при жизни великаго преобразователя Россіи могли видѣть они доказательства этому въ лицѣ свѣтлѣйшаго Александра Даниловича, безболзненно обращавашаго въ холодство сотни привилегированныхъ козачьихъ семействъ съ ихъ старшиною; видѣли эти доказательства и на полковникахъ, присланныхъ къ нимъ изъ Петербурга, на примѣръ же знаменитаго сотника протопопа Лисовскаго могли наглядно убѣдиться, что даже мелкая-сошка, попавшая въ фаворъ, можетъ сколько угодно трепать за чубы смиренныхъ людей, безъ всякаго за свои безчинства возмездія. Ходъ послѣдующей жизни служилъ только къ вящему утверженію этой истины въ сознаніи гетманцевъ. Примѣръ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, превратившагося изъ деревенскаго хлопца въ первую персону въ государствѣ; гетманскій бунчукъ, прикрывавшій голову его ясновельможнаго брата, наконецъ, новоспеченные полковники,

сразу выскочившіе въ вельможи и магнаты—все это такіе факты, которые не могли не привести малорусское общество къ мысли, что Петербургъ есть тотъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплется на русскую землю и уряды, и значеніе, и маетности. Какъ ни кратковременно было правленіе новаго Государя, но въ Малороссію уже успѣли проникнуть слухи о его симпатіяхъ, и мечта попасть въ голштинцы, любимѣйшее и ближайшее войско Императора, стала завѣтной мечтой не одной пылкой молодой головы.

Не удивительно поэтому, что вербованіе пошло успѣшно, успѣшно на столько, что уже спустя немного дней однимъ Берлиромъ набрано было въ Глуховѣ и его окрестностяхъ болѣе 200 человекъ. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ маіоръ Стефани и низшіе разосланные по городамъ и мѣстечкамъ агенты. Новобранцамъ, въ знакъ принятія ихъ въ голштинскую службу, надѣвался на шею красный галстучекъ, такъ наз. обрончикъ, и выдавалось мѣсячное жалованье. При наборѣ не обращалось большого вниманія на то, къ какой національности принадлежалъ рекрутъ, былъ ли онъ вполне свободенъ, или его удерживали на родинѣ служебныя или другія обязательства; разъ молодой человекъ удовлетворялъ условіямъ физической годности, подлежащія власти, въ вѣдѣніи которыхъ онъ доселѣ находился, принуждались выдавать ему „абшидь“, освобождающій новобранца отъ ихъ юрисдикціи. Господа голштинскіе офицеры требовали такихъ абшидвовъ нерѣдко „пестушно и съ угроженіемъ“, а перечить этимъ требованіямъ малороссійскіе урядники не рѣшались. Когда въ маѣ Берлиръ обратился въ войсковую генеральную канцелярію съ требованіемъ о выдачѣ абшидвовъ поименованнымъ въ его реестрѣ 28 лицамъ, то генеральная канцелярія, не ожидая конца начатымъ было справкамъ, постѣшила огуломъ удостовѣрить ихъ малороссійское происхожденіе и свободу, ибо великая задержка, по мнѣнію канцеляріи, могла быть признана за обиду не только для господъ офицеровъ, но и для той вышней команды, отъ которой они посланы.

Обаяніе этой вышней команды дѣйствовало одинаково на всѣ классы малорусскаго общества и привлекало въ ряды голштинцевъ все новыхъ и новыхъ новобранцевъ. До сихъ поръ лучшею дорогою для молодого человѣка, желающаго выйти въ люди, была канцелярія. Положеніе канцелириста было въ то время почетнымъ и выгоднымъ. Не говоря уже о приношеніяхъ челобитчиковъ, само правительство гетманское вполне обезпечило канцеляріи жалованьемъ и тѣми маестностями, кои были на нихъ отписаны. Канцеляристы зачастую попадали въ войсковые товарищи, получали чинъ сотника къ мѣсту, назначались полковыми хорунжими, эсаулами и писарями, а сыновья извѣстныхъ фамилій прямо изъ канцелярій выскакивали въ бунчуковые товарищи, а то и въ полковые судьи. Такимъ образомъ канцелярская карьера была очень и очень заманчива, и не даромъ и при канцеляріяхъ высшихъ учрежденій, и при полковыхъ постоянно толпились сотни золотой украинской молодежи, ни гроша не получавшей за свое усердіе и даже платившей нѣкую дань генеральному писарю, особенно со времени Безбородка, обложившаго канцеляристовъ—кандидатовъ на „вакансовыя уряды“ опредѣленнымъ въ свою пользу оброкомъ. Но теперь, съ прибытіемъ голштинскихъ вербовщиковъ, всѣ прелести канцелярской службы забылись: карьера Разумовскихъ и tutti quanti не давала спать молодымъ честолюбцамъ; мечта о близости къ источнику всякихъ милостей переходила въ дѣйствительность. И дѣйствительные канцеляристы, и „обрѣтающіеся въ канцеляріяхъ въ чяніи вакансовыхъ урядовъ“ бросали теперь свои перья и въ своихъ богатыхъ жупанахъ спѣшили стать въ одинъ строй съ пропившимися оборванцами въ дырявыхъ полушубкахъ. Спѣшили сдѣлать карьеру и питомцы Кіевскаго коллегіума и „школьники“ всякаго рода, предпочитая голштинскую службу духовной и чиновной карьерѣ на родинѣ. Даже лица, паходившіяся при особѣ самого исповельможнаго, не смотря на всѣ выгоды своего званія и на затруднительность отказа отъ этой, тоже въ своемъ родѣ придворной, службы, мѣняли ее на службу въ голштинскомъ войскѣ. И графскій пѣвчій, и компанеець, состоящій при надворной корогвѣ, бѣ-

жали записываться въ списки новобранцевъ, и тщетно сама экономическая канцелярія, вѣдавшая маѣтности и дворъ его ясновельможности, пыталась остановить это бѣгство.

Привлекала голштинская служба и низшіе классы. Привилегированное званіе реестроваго козака къ этому времени утратило почти всю свою былую заманчивость. Старшинскій классъ, болѣе и болѣе приобрѣтающій силы, стремится съузять права реестровыхъ, елико возможно, а путемъ скупки грунтовъ, часто принудительной, быстро подвигается впередъ обезземеленіе этого сословія. Удивительно ли поэтому, что лишенный грунта реестровый предпочиталъ голштинскую службу положенію под-сусѣдка, какимъ онъ неизбѣжно сталъ бы на родинѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ „свободныхъ и ничѣмъ не обовязанныхъ лицъ“, принимались на службу и подданные разныхъ владѣльцевъ и монастырей, которые при отсутствіи въ Малороссіи юридическаго признанія крѣпостнаго права также шли за людей вольныхъ. И на козаковъ, и на посольство особенное вліяніе оказывали блага матеріальныя: обѣщанія хорошаго вознагражденія, выдаваемое впередъ мѣсячное жалованье и слухъ о льготахъ остающимся на родинѣ родичамъ новобранца. Слухъ этотъ, пущенный, очевидно, голштинскими вербовщиками и пашедшій себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ одномъ изъ майскихъ ордеровъ гетмана, встрѣченъ былъ въ массѣ козачества и посольства съ полнымъ довѣріемъ. И отъ самихъ новобранцевъ, и отъ ихъ семействъ подаются въ это время въ генеральную канцелярію прошенія о тѣхъ или другихъ льготахъ остающимся въ Малороссіи родичамъ новобранцевъ. Самъ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную канцелярію отъ имени подначальныхъ ему новобранцевъ съ просьбою, „чтобы домовъ ихъ и отцевъ ихъ ни въ какіе наряды, командираціи и другія тяжести, а особливо домовъ ихъ въ постой было не употребляемо“. Не имѣя никакихъ точныхъ указаній по этому вопросу, генеральная канцелярія не могла, безъ сношенія съ Петербургомъ, разрѣшить его ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ и своею медленностью еще болѣе способствовала укрѣпленію слуха.

Мы не знаемъ, много ли казенныхъ денегъ привезли съ собою господа голштинскіе офицеры, но уже черезъ мѣсяць по пріѣздѣ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную войсковую канцелярію съ требованіемъ 2000 руб. на необходимыя издержки по набору. Требованіе это поставило генеральную канцелярію въ затруднительное положеніе. До сихъ поръ распоряженія на этотъ счетъ изъ Петербурга не получалось. Въ патентѣ, выданномъ Ферстеру, говорилось глухо о томъ, что власти должны оказывать вербовщикамъ всякое содѣйствіе, но простирается ли это содѣйствіе до отпуска денегъ, специально предназначенныхъ на войсковые расходы,—генеральная канцелярія не знала. Но отказать требованіямъ лица, присланнаго по именованному Е. И. В. указу и при томъ по дѣлу столь близкому сердцу Государя, глуховское начальство, конечно, не рѣшалось. Члены канцеляріи сочли поэтому возможнымъ на половину удовлетворить просьбу голштинскаго прапорщика и о самой просьбѣ послѣдшіи представить на высокоповелительную резолюцію ясновельможнаго. Но тысяча рублей, отпущенная скарбомъ, оказалась недостаточной. Черезъ педѣлю Берлиръ снова обратился въ генеральную канцелярію съ требованіемъ денегъ. Въ своемъ доношеніи онъ извѣщаетъ канцелярію, что выданныя деньги уже издержаны на отправку въ столицу и на жалованье набраннымъ имъ рекрутамъ, а также людямъ, павербованнымъ въ Кіевѣ маіоромъ Стефанн; набору больше чинить не изъ чего, а потому и проситъ выдать ему 500 рублей. Вновь послѣдовалъ отъ генеральной канцеляріи рапортъ гетману, 500 же рублей выданы Берлиру.

Скоро отозвался и маіоръ Стефанн. Онъ потребовалъ для уплаты набраннымъ имъ въ Кіевѣ рекрутамъ, а также для отправки ихъ до самаго Репбова 1500 руб., которые и были безпрекословно выданы.

Благодаря охотѣ украинцевъ и щедрости голштинскихъ офицеровъ, наборъ рекрутъ для голштинской пѣхоты шелъ быстро и успѣшно. Не менѣе успѣшно велось и порученное Крижановскому дѣло комплектованія кавалеріи. Въ короткій срокъ гадячскій полковникъ набралъ цѣлый полкъ легкоконныхъ гу-

сарь, составивъ его, по словамъ автора „Исторіи Руссовъ“, изъ козацкихъ дѣтей своего полку, заводской и всякой другой сволочи. Крижановскій велъ дѣло на свои личныя средства и, конечно, соблюдалъ свою выгоду: чѣмъ проще были новобранцы, тѣмъ дешевле они стоили. Дѣло велось безъ излишней огласки, такъ сказать домашнимъ способомъ, и это, какъ мы увидимъ впоследствии, оказало гадяцкому полковнику большую услугу при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Несмотря на успѣхи вербованія, число новобранцевъ въ глазахъ вышней команды, казалось далеко недостаточнымъ. Вскорѣ потребовался новый наборъ, окрещенный глуховскими канцеляристами именемъ „набора великорослыхъ“. Въ маѣ гетманъ получилъ Высочайшее повелѣніе о доставкѣ для голштинской службы 50 человекъ изъ малороссовъ „неувѣчливыхъ, собою взрачныхъ, мѣрою таковыхъ, какіе обыкновенно великорослыми почитаются“. Немедленно предписано было нарядить нарочныхъ во всѣ 10 полковъ, чтобы изъ каждаго полка выбрать по 5 человекъ годныхъ; выбирать ихъ предписывалось, если можно, изъ „безмѣстныхъ людей, неосѣдлыхъ, т. е. изъ школяровъ и разныхъ бродящихъ“, а въ случаѣ недостатка— и изъ козацкихъ подпомощниковъ. При наборахъ запрещалось всякое принужденіе. Срокъ назначался 6-ти лѣтній съ правомъ по истеченіи этого времени получить абшидъ или, въ случаѣ согласія, остаться на службѣ. Новобранцамъ обѣщались освобожденіе домовъ ихъ отъ повинностей. Генеральная канцелярія сама должна наблюдать за наборами и исполнить гетманскій ордеръ въ возможно короткій срокъ. Что касается до расходовъ, то они должны быть произведены на счетъ малороссійскаго скарба примѣнительно къ расходамъ голштинскихъ офицеровъ, посланныхъ для вербованія.

Гетманскій ордеръ полученъ былъ въ Глуховѣ 17 мая, и тотчасъ же отдано приказаніе о присылкѣ великорослыхъ изъ каждаго полка въ двойномъ противъ требуемаго количествѣ. Полковникамъ и полковымъ старшинамъ предписывалось, въ виду важности дѣла, самимъ слѣдить за ходомъ набора со всевозможной тщательностью, не полагаясь на подначальныхъ. Въ

каждый полкъ послано по 2 подорожнія и по 30 руб. денегъ на необходимые расходы. Новобранцевъ предписывалось доставить въ Глуховъ не позже 17 іюня. Въ самомъ Глуховѣ и его окрестностяхъ руководство наборомъ взяли на себя члены генеральной канцеляріи. Распоряженіе, въ которомъ замѣшанъ „высокій Е. И. В. интересъ“, исполнялось, конечно, съ необычайной поспѣшностью, а потому, вслѣдъ за полученіемъ ордера, чины полковыхъ канцелярій, „усердствуя по своей присяжной должности“, разѣхались по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ, чтобы самимъ приняться за исполненіе важнаго порученія. На этотъ разъ усердіе полковыхъ урядниковъ превосходило нормы требовацій самой генеральной канцеляріи. Почти въ каждомъ полку старались набрать большее число великорослыхъ, чѣмъ требовалъ ордеръ. Кіевская напримѣръ, канцелярія, какъ видно, хотѣла повести дѣло совсѣмъ en grand; она снеслась съ митрополитомъ Арсеніемъ, подъ командою котораго находилась академія и школы, и только по просьбѣ преосвященнаго рѣшила не трогать молодцеватыхъ студентовъ кіевской академіи, довольствуясь великорослыми школярами; возбудила вопросъ о вербованіи въ голштинскую службу кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, „яко людей вольныхъ“; вопла въ сношеніе съ кіевскою губерпскою канцеляріей и магистратомъ, и наконецъ потребовала отъ генеральной канцеляріи увеличенія выданной па вербованіе суммы, мотивируя свое требованіе тѣмъ соображеніемъ, что для отправки набранныхъ „ласковымъ образомъ“ великорослыхъ въ Глуховъ потребуется не малый конвой. Впрочемъ, генеральная облава на кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, задуманная кіевскою полковою канцеляріей, не удалась: получивъ за свое усердіе чувствительный репримандъ изъ Глухова, кіевскіе урядники принуждены были ограничиться скромными размѣрами требовацій гетманскаго ордера. Не менѣе усердствовали и другія канцеляріи: всѣ онѣ прислали свыше указаннаго числа людей. Одинъ только нѣжинскій полковникъ, вѣроятно въ силу своей близости къ ясновельможному родичу, не спѣшилъ исполненіемъ высокоповелительнаго ордера.

Наборъ „великорослыхъ“—наборъ демократическій. Гетманскій ордеръ исполнялся буквально, и въ списки новобранцевъ исключительно вносились люди, отъ поступленія коихъ въ голштинское войско не могло бы произойти „умаленія малороссійской службѣ“. Понятно поэтому, что въ свискахъ этихъ панычей, этого цвѣта украинскаго служилаго сословія, вовсе не встрѣчается; не встрѣчается даже реестровыхъ бозаковъ, за 2—3 исключеніями, и то изъ числа тѣхъ, у которыхъ дома оставалось 3—4 брата къ службѣ годныхъ. Въ число „великорослыхъ“ попадаютъ главнымъ образомъ подпомощники и подсусѣдки; остальная часть—люди вполне безмѣстные: дьячекъ, ищущій парафію, школяръ, до тридцати лѣтъ бродившій отъ пана къ пану въ качествѣ мандрованнаго педагога, поповскій сынъ, не попавшій на парафію, злополучный „удовинъ сынъ“, которому все равно цѣлый вѣкъ пришлось бы провести въ батракахъ или подсусѣдкахъ, страпникъ безъ роду—безъ племени, всю жизнь бродившій изъ монастыря въ монастырь и зашедшій теперь въ Кіевъ поговѣть Петровскимъ постомъ—весь этотъ бездомовный людъ, кромѣ колоссальнаго роста и соответствующаго ему аппетита ничѣмъ не владѣвшій, счелъ голштинскую службу лучшимъ выходомъ изъ своего скитальческаго положенія. Но какъ среди рекрутъ, набербованныхъ голштинскими офицерами, главную роль играла интеллигенція сытая и обеспеченная, панская, такъ и среди „великорослыхъ“ доминирующее положеніе занимала тоже интеллигенція, но интеллигенція голодная и бездомовная. И здѣсь грамотные составляли 25⁰/₁₀₀ общаго числа „великорослыхъ“; великорослые школяры и дьяки являлись представителями своихъ неграмотныхъ товарищей, получали за нихъ харчевыя деньги, росписывались на почтовыхъ станціяхъ, вели расходныя вѣдомости за своихъ прпставовъ, хотя и выбранныхъ изъ значковыхъ товарищей и даже сотниковъ, но зачастую не очень „письменныхъ“.

Въ какомъ то чадѣ прошла для новобранцевъ короткая дорога въ Глуховъ. Спѣшили попасть къ сроку, остановки дѣлались лишь для ночлега по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ въ квартирахъ, отводимыхъ сотниками и атаманами, днемъ же

останавливались только для перемѣны подводъ. Этими короткими остановками новобранцы пользовались для закупки провизіи. Не забывалась, конечно, и жидовская корчма, и въ то время, какъ выборный товарищъ бѣгалъ по селу, раздобывая продукты для немудреной трапезы, остальные успѣвали и выпить изрядно на мѣстѣ и захватить на дорогу не малый запасъ. Были Петровки, а потому столъ новобранцевъ особою изысканностью не отличался. Свѣжая рыба, борщъ, „буханци“ составляли своего рода лакомство; обыкновенно п снѣдали, и обѣдали, и полудновали, и вечеряли соленой рыбой съ хлѣбомъ и квасомъ. Но за то эта скудная трапеза обильно запивалась питіями всякаго рода. Несмотря на недавнія мѣры, ограничившія свободу выпокурепія, горѣлка была дешева—кварта стоила всего 8 коп.—а потому новобранцы, получавшіе значительныя по тому времени кормовыя деньги (иногда до 10 коп. на человѣка въ сутки), имѣли полную возможность не стѣснять себя въ этомъ отношеніи. И не стѣсняли.

Встрѣчался съ такими, напр., документами, какъ реесгръ расходовъ переяславскаго пристава, современнику остается только дивиться безпримѣрной крѣпости головъ „великорослыхъ“, подъ жаркими лучами іюньскаго солнца умѣвшихъ безнаказанно пить отъ зари до зари. Но хмель не всегда способенъ былъ выгнать грустную думу изъ сердца. По мѣрѣ удаленія отъ родныхъ мѣстъ, многимъ взгрустнулось по родинѣ и волѣ. Пользуясь беспросыпнымъ пьянствомъ товарищей и безопасностью подвыпившаго начальства, затосковавшій новобранецъ давалъ иногда тягу, и по пріѣздѣ въ Глуховъ злополучный приставъ не всегда представлялъ въ генеральную канцелярію показанное въ спискахъ число „великорослыхъ“.

Къ 17 іюня въ Глуховъ собралось 110 „великорослыхъ“. Здѣсь были представители всѣхъ полковъ, кромѣ пѣжинскаго (нѣжицы прибыли значительно позже и вмѣстѣ съ присланными изъ другихъ полковъ добавочными рекрутами были оставлены, такъ сказать, про запасъ), но наибольшее число видныхъ и статныхъ молодцовъ оказалось среди полтавцевъ, такъ что почти всѣ „великорослые“, привезенные изъ Полтавы, вошли

въ списокъ избранныхъ. Послѣ осмотра было отобрано 50 человекъ, наиболѣе удовлетворяющихъ требованіямъ гетманскаго ордера, остальные же отпущены по домамъ съ приказомъ явиться немедленно въ случаѣ новаго требованія. Выбранныхъ генеральная канцелярія тотчасъ же снабдила необходимой обувью и одеждой и распорядилась выдачею подорожной на 55 подводъ; сопровождать ихъ въ Петербургъ назначенъ полтавскій эсаулъ Бенковскій съ однимъ унтеръ-офицеромъ, солдатомъ и жолдакомъ. На дорогу Бенковскій получилъ изъ малороссійскаго скарбу 500 руб. и инструкцію, предписывавшую ему вести великорослыхъ „денно и ночью“, „наблюдая, дабы оныя въ пути побѣгу учинить не могли, уговаривая притомъ, чтобы они содержали себя порядочно, не пьянствуя и никакихъ шалостей не дѣлая, отъ которыхъ ихъ удерживать безъ строгости“. На кормъ полагалось въ дорогѣ по 10 коп. на человека въ сутки, но если сверхъ этого потребуются какіе либо расходы на одежду или обувь, то Бенковскій и такія требованія долженъ былъ удовлетворять, однакъ безъ излишества, разсуждая въ томъ крайнюю надобность“. Унтеръ-офицеръ долженъ былъ ѣхать впередъ и заготовлять на станціяхъ нужное число подводъ. Въ случаѣ побѣга кого либо изъ новобранцевъ, воеводы и мѣстные помѣщики обязаны были оказать Бенковскому содѣйствіе.

18 іюня „великорослые“ распрощались съ родною Украиною.

Движеніе дошло теперь до своего апогея. Съ гикомъ и гамомъ летѣли ямскія телѣги, увозя на сѣверъ новоиспеченныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ голштинской арміи. Привѣтливо отпирали имъ двери встрѣчные трактиры, и плохо приходилось „штатскому“ обывателю, навлекшему на себя гнѣвъ молодыхъ искателей фортуны.

Переворотъ 28 іюня, посадившій на русскій престолъ Семпрямиду Сѣвера, круто поворотилъ въ другую сторону и внѣшнюю, и внутреннюю политику Россіи и сразу оборвалъ на полусловѣ торжественные звуки „Deutschland, Deutschland über alles“, лившіеся въ теченіе 6 мѣсяцевъ изъ восторженныхъ сердецъ петербургскихъ нѣмцевъ. Предметъ вчерашнихъ

нѣжнѣйшихъ заботъ, голштинское войско вдругъ превратилось въ предметъ посмѣянія, стало „притчею во языцѣхъ“. Съ перемѣной обстоятельствъ сразу измѣнилось и содержаніе гетманскихъ ордеровъ. Уже 1-го іюля, когда на петербургскихъ улицахъ не успѣло еще смолкнуть ура гвардейцевъ и народа, гетманъ, не ожидая распоряженія свыше, счелъ необходимымъ предупредить послѣдствія своихъ недавнихъ распоряженій. Посланнымъ въ этотъ день въ Малороссію ордеромъ предписывалось немедленно распустить по домамъ набранныхъ по послѣднему гетманскому приказу рекрутъ, буде же новобранцы уже отправлены изъ Малороссіи, немедленно послать курьера съ приказаніемъ вернуться въ Глуховъ. Но распоряженіе это пришло слишкомъ поздно. Въ то время какъ совершалось „Петербургское дѣйство“, ничего не подозрѣвавшіе „великорослые“ на 55 подводкахъ катили по направленію къ сѣверной столицѣ, и хотя ихъ стремительность сократили нѣсколько московскіе почтовые чиновники, отнявшіе у нихъ цѣлыхъ 25 подводъ, тѣмъ не менѣе 11 іюля Бевковскій представилъ своихъ молодецвъ въ походную канцелярію его ясновельможности. Но молодецъ теперь оказались лишними и въ сопровожденіи сержанта Киселева, уже нѣшкомъ и получая по 3 коп. въ день на пропитаніе, поплелись обратно въ Малороссію.

Не заставило себя долго ждать и общее распоряженіе о голштинскихъ наборахъ. Сенатскимъ указомъ 1-го іюля предписывалось вербованіе солдатъ для голштинской службы повсемѣстно въ имперіи прекратить, вѣдомости же о числѣ и званіи нанявшаго рекрутъ немедленно доставить въ сенатъ и военную коллегію, а самихъ вербовщиковъ выслать за конвоемъ въ ту же коллегію, отобравъ имѣющіяся при нихъ деньги. Тѣмъ же указомъ велѣно было приступить къ немедленному разсмотрѣнію званій новобранцевъ: записанныхъ въ подушный окладъ или бѣглыхъ крѣпостныхъ отдавать по наказанію помещикамъ, крестьянъ государственныхъ и монастырскихъ—отправлять въ ихъ волости, а купцовъ—отослать въ магистраты тѣхъ городовъ, къ которымъ они приписаны, что же касается „малороссіянецвъ“, а также людей, которые по справкамъ и освя-

дѣтельствовапіи ихъ паспортовъ окажутся дѣйствительно вольными и ни за кѣмъ незаписанными, то такихъ, въ случаѣ ихъ согласія, разослать на службу въ ближайшіе полевые полки. Каждому изъявившему согласіе на поступленіе въ военную службу предписывалось сверхъ обычнаго жалованья выдавать по 15 руб. единовременно; срокъ службы въ указѣ объявлялся 10-ти-лѣтній, по истеченіи котораго продолженіе или оставленіе службы зависѣло отъ вольнопоступившаго.

Голштинское войско подверглось аресту. Голштинцы нѣмецкаго происхожденія отправлены на родину, но, какъ извѣстно, далеко не всѣмъ удалось увидѣть родную Голштинію: большая часть изъ нихъ потерпѣла кораблекрушеніе. Самъ принцъ Георгъ, глава и начальникъ голштинскихъ сателлитовъ бывшаго Императора, отправленъ уже на 3-й день послѣ переворота администраторомъ въ Голштинію. Русскіе голштинцы изъ Ораніенбаума переведены были въ Петербургъ и отданы въ смотрѣніе генераль-поручику Василию Ив. Суворову. Участь большей части изъ нихъ была плачевна; между голштинцами великорусскаго происхожденія свободныхъ людей оказалось очень мало, а такъ какъ кормить па казенный счетъ бѣглыхъ холопей до возврата владѣльцамъ, а тѣмъ паче развозить до мѣстъ ихъ жительства показалось накладнымъ, то уже 13 числа іюля состоялось сенатское распоряженіе, которымъ предписывалось всѣхъ неразобранныхъ голштинскихъ солдатъ зачислить въ полевые полки, съ предоставленіемъ ихъ бывшимъ помѣщикамъ права забирать ихъ оттуда, уплативъ слѣдующія за ихъ содержаніе деньги; имена этихъ злополучныхъ воиновъ, для свѣдѣнія ихъ отсутствующихъ владѣльцевъ, пропечатаны были въ академической газетѣ. Участь малороссовъ, „яко людей вольныхъ и ни за кѣмъ не записанных“, была гораздо легче. Оказавшихся въ Ренбовѣ украинцевъ ¹⁾ немедленно препроводили къ гетману, который отечески снабдилъ ихъ пужными паспор-

¹⁾ Кроми приведенныхъ изъ Малороссіи, въ ряды голштинцевъ пошло не мало рекрутъ изъ числа малороссійскихъ посполитыхъ, производившихъ земляныя работы въ Кронштадтѣ, Ригѣ, Царвѣ—изъ такъ наз. 8000 набора посполитыхъ для войны съ Фридрихомъ.

тами и отправилъ на родину. Впрочемъ, и изъ числа ихъ нашлось четверо, пожелавшихъ остаться въ военной службѣ. 4-го іюля эти четыре охотника были доставлены гетманомъ въ военную коллегію, гдѣ и приняты подъ именемъ колодниковъ.

Эти четыре „колодника“ были, повидимому, единственными среди малорусскихъ голштинцевъ охотниками поступить на службу „въ полевые російскіе полки“. Въ Глуховѣ по крайней мѣрѣ такихъ охотниковъ не оказалось. Когда генеральная канцелярія, получивъ сенатскій указъ 1 іюля, поручила глуховскому сотенному правленію объявить его содержаніе находившимся въ Глуховѣ новобранцамъ Берлира, изъ 311 человекъ изъявили согласіе на поступленіе въ военную службу всего 14, но и эти черезъ нѣсколько времени взяли назадъ свое согласіе и просили объ отпускѣ по домамъ.

Голштинское войско перестало существовать. Сателлиты бывшаго императора, еще мѣсяць назадъ гордые своимъ новымъ званіемъ и полные надеждъ, брели теперь пѣши, въ простыхъ зипунахъ, по направленію къ Украинѣ. Позоренъ и песносень казался молодымъ честолюбцамъ возвратъ на родину, еще такъ недавно ими легкомысленно покинутую. И таясь отъ людей, подъ кровомъ ночи пробирались они подъ родную стрѣху батьковской хаты.

Послѣ роспуска новобранцевъ глуховскому начальству оставалось только исполнить указъ въ отношеніи лицъ, которымъ было поручено вербованіе. Сейчас же по полученіи сенатскаго указа генеральная канцелярія успѣшила отобрать отъ голштинскихъ офицеровъ и ихъ подначальныхъ подписки о невыѣздѣ изъ Глухова, а затѣмъ, въ силу того же указа, распорядилась отобраніемъ отъ нихъ денегъ. Но деньги оказались у одного Берлира: у него отобрано 650 руб., которые и возвращены въ скарбъ, у остальныхъ же вербовщиковъ денегъ не оказалось. Предусмотрительный маіоръ Стефани, лишь только почувялъ приближающуюся грозу, успѣшилъ заранѣе скрыться, такъ что всѣ поиски генеральной канцеляріи оказались тщетными.

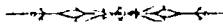
Не забыло глуховское начальство и Крижановскаго. Посылая ему копію съ сенатскаго указа, генеральная канцелярія

предписывала ему немедленно сдать управление полкомъ полковой старшинѣ, которая и должна выполнить указъ 1 іюля въ отношеніи набранныхъ Крижановскимъ рекрутъ, самъ же полковникъ долженъ немедленно представить выданныя ему для вербованія деньги и явиться въ Глуховъ, откуда онъ, въ силу указа, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Но положеніе Крижановскаго оказалось очень выгоднымъ. Государю онъ обѣщаль набрать полкъ на свой счетъ, въ надеждѣ получить изъ казны деньги по представленіи рекрутъ. Денегъ изъ малороссійскаго скарбу онъ также ни разу не получалъ, самое же вербованіе велъ безъ излишней огласки, почти неофициально. Сама генеральная канцелярія также, повидимому, мирводила богатому гадячскому полковнику, и когда на ея предписаніе Крижановскій отвѣтилъ, что денегъ онъ на вербованіе ни откуда не получалъ, а потому и вербованія не производилъ, то генеральная канцелярія сочла возможнымъ вполне удовлетвориться такимъ отвѣтомъ и, не производя дальнѣйшихъ разслѣдованій, оставила гадячскаго полковника въ покоѣ.

Къ концу іюля въ Малороссіи были подведены послѣдніе счета съ голштинцами. 31 числа господа голштинскіе офицеры и ихъ подначальные распрощались съ Украиной. За карауломъ унтеръ-офицера глуховскаго гарнизона везли теперь недавнихъ триумфаторовъ къ отвѣту предъ грозными членами военной коллегіи.

О возвратѣ 2446 руб., истраченныхъ на неудавшуюся затѣю, гетманомъ дѣлались представленія куда слѣдуетъ, но возвращены ли эти деньги въ малороссійскій скарбъ—неизвѣстно.

Д. Миллеръ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 сентября 1892 г.

Типографія Г. Т. Борчакъ-Новицкаго, Михайл. у., л. № 4